

Хэ Чжаньшу увидел, как Тянь Цинъюй стоял в метре от Чжаньянь, поднял руку, словно собираясь погладить её длинные волосы, но Чжаньянь схватила его за руку, резко развернулась, напрягла плечи и спину, и бросила Тянь Цинъюй через спину.

— Ого!

Хэ Чжаньшу с интересом наблюдал за происходящим.

Тянь Цинъюй, судя по всему, упал не слабо, лежал на земле и не мог подняться. Чжаньянь постоянно наклонялась, извиняясь, нервно потирая руки, а затем помогла ему встать. Тянь Цинъюй был из тех, кто, получив немного краски, сразу лезет на крышу. Встав, он не сделал выводов, а вместо этого снова приблизился к Чжаньянь, и она снова его отшвырнула.

Чжаньянь побежала вверх по лестнице.

Хэ Чжаньшу смеялся до слёз. Тянь Цинъюй, ты ухаживаешь за моей сестрой? Это же самоубийство!

Чжаньянь была напугана, она боялась внезапного приближения незнакомых мужчин. Только с бабушкой, отцом, братом и Хуан Сяодоу она чувствовала себя спокойно. С любым другим человеком она инстинктивно атаковала, как только чувствовала опасность.

Он уже говорил Тянь Цинъюй, чтобы тот подождал несколько лет, пока Чжаньянь забудет этот страх, но Тянь Цинъюй не послушался и решил потрогать её волосы. Ну и получил.

Чемпионка по смешанным единоборствам Чжаньянь — это не шутка. В прошлый раз, когда случилась беда, это было ночью, и она была не готова. К тому же, на неё напали пятеро из семьи Цзинь Тана, и она оказалась в ловушке.

Когда Чжаньянь включала всю свою мощь, три-четыре парня вряд ли смогли бы её одолеть.

Чжаньянь, с красным лицом, вбежала в дом.

— Брат, я, я ударила Тянь Цинъюй, извинись за меня! Я пойду спать!

Чжаньянь, как испуганный оленёнок, зашла в комнату и не выходила.

Хэ Чжаньшу, смеясь, пошёл к Тянь Цинъюй, который шёл, прихрамывая, выглядел жалко.

— Это не вина моей сестры, кто тебя заставил трогать её волосы? Я же тебе говорил, что она сейчас боится, когда мужчины подходят слишком близко.

— Этот удар чуть не выбил из меня всю желчь.

Тянь Цинъюй с трудом улыбнулся.

— Виноват я, просто разговаривал с ней, увидел, как она стоит под фонарём, такая красивая, с распущенными волосами, и рука сама потянулась. Любовь — это неконтролируемая штука.

— Давай выпьем, это будет извинение от моей сестры.

— Я не пойду пить! Я исправился! Я хочу, чтобы Чжаньянь знала, что я не распутный гуляка и мот!

— Тогда выпьем дома.

Чжаньянь была дома, поэтому пить у них было неудобно, чтобы не наполнить дом запахом алкоголя. Пошли к Тянь Цинъюй.

Выпили, поговорили, и в процессе выпивки потеряли контроль. Один говорил, что его сестру слишком сложно добиться, и, вероятно, потребуется ещё пять-шесть лет, а через пять-шесть лет ему уже будет тридцать пять! Другой говорил, что за ним следят, и он не знает, бежать или сдаться.

Пили до глубокой ночи, к счастью, их дома были недалеко, Хэ Чжаньшу, хоть и шатался, всё же дошёл домой. Чжаньянь уже спала. Хэ Чжаньшу лёг в комнату Хуан Сяодоу.

Обняв подушку Хуан Сяодоу, он почувствовал знакомый запах его шампуня. Укрывшись его одеялом, он почувствовал слабый запах молока. Этот парень не ел молочные продукты под одеялом? Ах да, Хуан Сяодоу любил выпить стакан молока перед сном, как маленький ребёнок.

Но этот парень был далеко не ребёнком. Он умел поддразнивать словами и делать двусмысленные жесты.

Хэ Чжаньшу пробормотал что-то вроде «этот парень» и уснул.

Хуан Сяодоу спал рядом, одеяло не накрывало его полностью, он лежал на подушке, обнажённая спина, талия прогнута, подчёркивая округлые ягодицы, в боксёрских трусах, с присущей двадцатилетним парням невинностью и энергией.

Его растрёпанные волосы, светло-розовые губы, он открыл глаза, сонно потёр их, а затем улыбнулся.

— Доброе утро.

Голос был слегка мягким.

Поднял руку, потрогал своё лицо, плечи, а затем хихикнул и залез под одеяло.

И затем...

И ещё затем, он снова вылез из-под одеяла, лизнул уголок рта и улыбнулся.

Хитрый, довольный, уши покраснели, и он слегка смутился.

Хэ Чжаньшу резко проснулся.

Постучал по сильно болящей голове. «Что за сны мне снятся!»

Нет!

Откинул одеяло и заглянул под него.

— В этом году у меня точно будет парень!

Вздыхнул, сдерживая раздражение. Эх, какая жизнь!

Снится этот мелкий проказник, и даже такой сон вызывает возбуждение. Слишком долго был один! Нет, просто слишком долго жил в воздержании!

Как говорится, после трёх лет службы в армии свинья покажется красавицей. Он слишком долго был один, и даже этот мелкий проказник, который постоянно доводит его до головной боли и чуть ли не до сердечного приступа, стал героем эротического сна!

Голод не тётка!

Хэ Чжаньшу поставил себе ярлык, быстро встал и пошёл в душ, заодно снял наволочку и пододеяльник, чтобы как следует постирать!

Хуан Сяодоу на третий день Нового года с радостью вернулся, неся с собой сумки с подарками. Договорились, что его встретит Хэ Чжаньшу, но вместо этого приехала Чжаньянь.

— Что с тобой? Почему ты такой надутый? Не хочешь меня видеть? Тогда я ухожу, сам добираться домой!

Чжаньянь с улыбкой смотрела на Хуан Сяодоу, который был в плохом настроении, словно весь мир был ему должен сотню юаней, и он всем был недоволен.

— Почему твой брат так поступил? Мы договорились, что он меня встретит, я даже специально оделся стильно, а он не пришёл!

Он даже надел новые туфли, такие крутые!

— Мой брат пошёл к старому профессору, это национальный мастер по оценке сокровищ, он каждый год ходит. Вернётся вечером!

— Пусть возвращается, я объявляю односторонний разрыв отношений до утра, я с ним в холодной войне!

— Ну ладно, вы в холодной войне, а я пойду домой.

— Не надо, сестра, если ты пойдёшь домой, он не будет со мной спать!

Хуан Сяодоу подмигнул Чжаньянь. Если ты будешь дома, мы сможем спать вместе, как пара!

Чжаньянь покраснела.

— Сначала поедем домой, мама приготовила много вкусного для тебя.

Это было возвращение невестки, и тётя Хэ обязательно устроила бы торжественный приём, приготовив все новогодние деликатесы, чтобы Хуан Сяодоу мог насладиться ужином.

Австралийский лобстер, глубоководный лосось, всё, что летает в небе, бегают по земле и плавает в воде — целый стол из морепродуктов!

Ешь!

Хэ Чжаньшу был очень неприятным человеком, зная, что Хуан Сяодоу вернулся, вся семья ждала его на ужин, а он всё ещё был у профессора, говоря, что там собрались национальные мастера по оценке сокровищ, и он хотел послушать и завести полезные знакомства!

Не стали его ждать, начали есть.

Тётя Хэ только хотела сказать: «Сяодоу, не стесняйся», как Хуан Сяодоу продемонстрировал, как можно съесть куриную ножку за два укуса!

— Отлично!

Тётя Хэ и Чжаньянь аплодировали Хуан Сяодоу! Умение есть — это счастье! Ешь! Ешь больше!

С Хуан Сяодоу ужин казался шумным и весёлым, он один создавал шум, как восемь человек!

Выпил с дедушкой Хэ, затем с отцом Хэ, то тут, то там, никто не заставлял его пить, он сам себя напоил.

Если бы Хэ Чжаньшу был дома, он бы остановил его. Но сейчас его не было, и вся семья баловала Хуан Сяодоу, позволяя ему пить, сколько он хочет. Если напьётся, пусть спит, дом большой, не боялись, что он убежит.

Пей, если хочешь.

Хуан Сяодоу был слегка обижен. Хэ Чжаньшу знал, когда он вернётся, они не виделись пять-шесть дней, разве он не скучал? Я целыми днями думал о нём, плакал ночами, а он не может проявить хоть немного любви? Хотя бы на кончик ногтя, но он даже не встретил меня и не поужинал с семьёй!

В конечном итоге, он слишком долго не дразнил Хэ Чжаньшу, а Хэ Чжаньшу был занят другими делами и игнорировал его, поэтому его проказливый дух снова проснулся, и он начал проказничать!

На самом деле он не выпил много, бутылка «Маотая» на троих, Хуан Сяодоу ещё и много съел, так что для него это было как нырнуть в бочку с вином, чуть не утонув!

Съел три миски риса, опустошил все блюда, выпил всего три льяна вина, и Хуан Сяодоу, с остекленевшими глазами, сидел на диване, спокойно.

— Сяодоу, вот, съешь кусочек арбуза, чтобы протрезветь.

Тётя Хэ любила Сяодоу, принесла полотенце, чтобы вытереть ему лицо, и поднесла кусочек арбуза к его рту.

У Хуан Сяодоу был ненасытный желудок, он съел так много, но всё ещё мог съесть арбуз.

— Поешь и оставайся, пойдёшь наверх, помоешься и будешь спать здесь.

<http://bllate.org/book/15289/1350805>